

Вернувшись в комнату и рухнув на кровать, Фан Сынун ощутил, что болит буквально всё тело — должно быть, мышечная реакция после пережитого потрясения.

Он был измотан до последнего предела — и душой, и телом. Едва коснувшись постели, уже тянулся в сон. Сквозь дрему донёсся голос дворецкого Эллена: тот, кажется, снова спустился, перекинулся с Юй Цюся несколькими словами — что-то про температуру, про влажность. Фан Сынун не дослушал. Нырнул в глубокий сон, как в укрытие.

Но и во сне выхода не нашлось.

Он куда-то шёл. Шёл сквозь острый, режущий холод. Запахнул потуже раздутый пуховик, прищурился против ветра и поднял голову.

Небоскрёбы теснились вдоль пекинского неба — надменные, холодные, бросая ледяные отблески на синеву над головой. На их фоне он был крошечным. До смешного маленьким.

Северная зима — беспощадная. Ветер будто сдирал кожу. Он брёл против него долго, пока совсем не устал, и тогда укрылся за придорожным деревом — перевести дух.

Прямо перед ним оказалась витрина.

В ней лежал белый бант-резинка — с кружевными краями, с хрустальными украшениями.

Он знал эту вещь. Однажды снимал для одного магазина на Таобао её копию. Подделка уходила за тридцать девять юаней. На оригинале стояло три тысячи девятьсот.

Он смотрел на оригинал. Потом взгляд поплыл, сменил фокус — и в безупречно чистом стекле витрины проступило его собственное отражение.

Растрёпанные волосы. Бесформенный чёрный пуховик. Брюки с известковыми пятнами на манжетах. Кеды, которые уже не отмыть. Ни одной детали, которую можно было бы назвать приличной. На этой улице он выглядел чужеродно — просто фактом своего существования здесь.

Он стоял, привалившись к дереву, когда дверь рядом с витриной распахнулась изнутри и оттуда вышли несколько девушек — яркие, нарядные. В такой-то холод одна из них была в голых ногах. Все улыбались. Лица — ослепительные, повёрнутые к солнцу, почти невыносимо красивые.

Они прошли мимо, не заметив его, и сели в машину, уже ждавшую у тротуара. Что за машина

— он не разобрал, но сразу понял: такую ему не купить никогда в жизни.

Голые ноги — не потому что не мёрзнет. Просто она не собирается торчать на этом морозе ни минуты лишней.

Случайное мгновение, даже не встреча — так, мелькнули и исчезли. Но их лица намертво врезались в память и не выцвели за долгие годы.

Когда они уехали, он ещё постоял немного. Потом шагнул к двери, из которой они вышли.

Изнутри поднималось что-то — похожее на голос муравья, ползущего на хрустальную башню. Но тут же другой огонь, неведомо откуда взявшийся, сжёг эту мысль дотла.

В голове всплывали вопросы — смутные, злые:

Почему эти здания возведены с такой непробиваемой надменностью? Точно созданы для того, чтобы одни люди от рождения не имели права переступить порог?

Почему одни появляются на свет с ногами, единственное предназначение которых — прогуливаться по натёртым до блеска полам тёплых, как весна, торговых залов? А другие большую часть жизни проводят, скрючившись в облезлой, душной, пропахшей чем-то тухлым съёмной камере, и тихо умирают там, не имея ничего?

За что?

Он встал перед дверью — не меньше пяти метров в высоту — и услышал собственное сердце.

За что?

Встречающий за стеклом нахмурился, посмотрел на него. Прошло полминуты. Потом человек всё же поднял руку в белой перчатке, взялся за ручку и потянул дверь на себя.

Фан Сынун сделал вид, что не заметил изучающего взгляда. Расправил спину и вошёл. Прошёл в первый магазин слева. Купил резинку.

Ему было восемнадцать лет. Пять лет он работал как проклятый. Сегодня получил последнюю выплату, которую задерживали полгода. Денег на операцию для Пэйэр наконец хватало — и ещё немного оставалось сверху. Хватало на резинку.

В следующий миг он был уже дома — стоял у той самой кровати. Острый холодный блеск небоскрёбов, казалось, всё ещё жил на сетчатке. Но сумрак и спёртый воздух этой комнаты

мгновенно вернули его на землю. Он поставил изящную коробку — саму по себе неуместную в этом доме — на стол, заваленный пузырьками лекарств и всяким хламом, и обошёл кровать к изголовью.

Сестра Фан Пэйэр лежала под толстым ватным одеялом. В ноздрах — трубки кислородной маски. Худенькое, совсем невесомое тело терялось в складках. На зажиме у перекладкины — старый телефон: в нём шла «Свинка Пеппа». Но Пэйэр спала.

Он поставил видео на паузу, сложил зажим. Потом осторожно приоткрыл одеяло снизу — привычными, отработанными движениями привёл её в порядок, вытер, сменил подгузник, выправил ноги, уложил правильно. Укрыл обратно.

Когда всё было сделано, он вымыл руки и опустился на маленький стул у кровати.

— Спа... спасибо, брат.

Он поднял голову — оказывается, она проснулась.

Он мгновенно собрал лицо, машинально потянул уголки губ вверх и тихо сказал:

— Пэйэр, я привёз тебе подарок.

— Ч-что это? — Глаза у неё вспыхнули сразу — она обрадовалась по-настоящему. Но лёгкие давно подводили её: голос оставался слабым, и волноваться она не могла.

Он помог ей восстановить дыхание, усадил, обложил мягкими подушками со всех сторон. Потом взял пакет с сегодняшней покупкой.

Такого пакета она, наверное, никогда не видела. Девочка не сводила с него глаз, пока он разворачивал — не мигала, не дышала. Когда бант наконец показался из упаковки, она не удержалась и тихонько вскрикнула от восхищения.

— Спасибо, спасибо, брат. — Скрюченная рука потянулась вперёд, осторожно коснулась поверхности банта — лёгкой, как облако. — Это... это правда мне?

— Конечно.

— Тогда... тогда брат, завяжи мне, хорошо?

— Хорошо.

Фан Пэйэр из последних сил повернулась на бок — чтобы удобнее было. Он заплёл осторожно: тонкие мягкие волосы скользили между пальцами. В тишине он вдруг почувствовал, как сердце начинает биться всё быстрее — будто уже знало, что сейчас будет. К горлу подступило что-то, похожее на спазм.

Он закончил.

— Брат, я красивая? — нетерпеливо спросила Пэйэр.

— Красивая. Очень красивая.

Он встал, принёс зеркало и поставил перед ней.

Красивой она, если честно, не была. После многих лет болезни лицо приобрело восковой оттенок, тело истончилось до прозрачности, волосы редели — и они не могли соперничать с блеском настоящего украшения. Даже если бы не искалеченное тело — одно лишь лицо смотрелось странно. Как будто служанка надела хозяйские драгоценности.

Но Пэйэр была ещё в том возрасте, когда красота и некрасота почти ничего не значат. Она увидела, как переливается бант у неё на голове, — и расцвела, засмеялась.

И тогда в комнату ударило солнце.

Оно прошило стены и одеяла насквозь. Потоки света опустились на Пэйэр — на её впалое лицо, на её сломленное тело — и вдруг сделали их прозрачными, нетленными, как будто всё это охватило горение в несколько миллиардов градусов.

Она выросла в один миг. Стала стройной и красивой девушкой. Улыбнулась ему из этого света — без боли, без страха — и снова спросила:

— Брат, я красивая?

Фан Сынун резко втянул воздух и открыл глаза.

Слеза скользнула из уголка и пропала где-то у виска.

Он машинально стиснул простыню — но ладонь скользнула по гладкой поверхности, ни за что не зацепилась. Пару секунд понадобилось, чтобы вспомнить, где он находится.

Всё та же огромная кровать с привкусом будущего. Ни одеяла, ни подушки.

Он постарался выровнять дыхание — не разбудить Юй Цюся...

...Юй Цюся?

Он медленно повернул голову — и сердце провалилось куда-то вниз. Он дёрнулся так, что слетел с кровати на пол.

На той половине кровати прямо сидел тёмный силуэт.

Тот пошевелился — и прозвучал голос Юй Цюся:

— Что происходит?

— А у тебя что происходит? — Фан Сынун вцепился в край кровати. — Ночь на дворе, почему не спишь? Ты там зачем сидишь?

— Захотел посидеть — нельзя? — Юй Цюся произнёс это с раздражением. — Я что, так страшно выгляжу?

— Нет, просто... Проснулся, вижу тень, не сразу сообразил.

— Почему проснулся? — Юй Цюся протянул руку в темноту. — Иди сюда.

Фан Сынун залез на кровать, вернулся на своё место.

— Ближе, — поморщился Юй Цюся.

Фан Сынун придвинулся. И почувствовал, как лицо коснулось чьей-то руки. Прошло несколько секунд, прежде чем он разобрал: тыльная сторона ладони, не ладонь.

— Весь в поту, — сказал Юй Цюся. — Кошмар?

Фан Сынун неопределённо мыкнул.

Казалось, все нервные окончания тела собрались в одной точке — там, где кожа лица касалась чужой руки. Во сне было так холодно. Ему до смерти нужно было хоть немного чужого тепла.

Кровать огромная. Пустая. Ни одеяла. Ни ничего — только Юй Цюся. И казалось, что тепло можно найти, только если обнять его. Но он не смел.

Он даже не решался удержать руку, которая сейчас лежала у него на лице.

— Прошу прощения, не желаете ли включить освещение?

Фан Сынун снова дёрнулся — как кот от неожиданного звука.

— Не нужно. Замолчи, — велел Юй Цюся дворецкому Эллену, убрал руку, лёг на спину — нет, повернулся к нему спиной. — Спи.

Фан Сынун смотрел на этот силуэт. Потом тихо отполз на свою половину и лёг.

После всего этого сон не шёл. Он лежал и смотрел в темноту.

Не знал, сколько прошло времени, когда услышал шорох. Открыл глаза — Юй Цюся снова сидел.

Внутри кольнуло. Его вдруг накрыло тревогой: а вдруг что-то с ним не так? Вдруг его контролируют?

Он взял себя в руки, сглотнул и спросил:

— Что всё-таки случилось?

— Никак не могу разобраться, — бросил Юй Цюся — резко, холодно, но в конце фразы что-то дрогнуло. — Ты... ты нравлюсь тебе, потому что я похож на твою сестру?

Он остановился. И не сдержался:

— Ты вообще как думаешь?

<http://bllate.org/book/20607/2214282>